

Маленький чиновник усмехнулся, и когда он уже собирался воспользоваться возможностью, чтобы толкнуть Хань Сяня, Бихуа, стоявшая на коленях, вдруг заплакала и сказала: "Шидзи, вы уважаете матушку Донг и не хотите говорить. Пусть другие обвиняют вас в этом, но вы хозяин этой служанки, и я не могу смотреть, как на вас клеветают. Рабыня осмелится говорить за вас."

Сказав это, она достала из рукава листок бумаги с ярко-красным отпечатком ладони, посмотрела на всех и сказала: "Причина, по которой матушка Донг хотела забрать жизнь молодого господина, сегодня, заключается в том, что все эти годы она тайно воровала из дома и продавала, пытаясь оплатить долги своего сына, вот предупреждение от ростовщиков. Насколько Шидзи знает, у него были такие ценные вещи, как сервиз с сотней сердец на девять персон, ожерелье из красного агата, вышитая ширму "байшоу", заколка для волос "сто птиц улетают" и другие вещи. Чтобы молодой господин не узнал о своих потерях, матушка Донг, захотела забрать жизнь Шидзи."

Как только прозвучали слова Бихуа, все были ошеломлены, а лицо одного чиновника сразу стало не очень красивым.

Этот человек, чья фамилия Чжан, а его имя Ханьпин. Он происходил из скромной семьи, был старомодным и неразумным. Его всегда ценил император, из-за своего бедного семейного происхождения этот человек любил получать выгоду за небольшую цену.

В этот момент, его взгляд на семью Хань был немного странным и не хорошим.

Из списка этих немногих вещей, которые перечислила Бихуа, один особенно был памятен ему.

Заколка "сто птиц улетают", ту, что его дочь носит сейчас на голове. Если это правда, что сказала Бихуа, эти вещи являются приданым матери наследника. Если эта вещь была ворованной, его семье Чжан будет очень стыдно.

Причина, по которой Чжан Ханьпин так хорошо помнит подарки, заключается еще и в том, что его семья раньше была бедной, а семейное происхождение скудным. Поэтому он помнил все те немногие ценные подарки, сделанные другими.

Хань Сянь сказал в тот момент: "Если моя бабушка хочет отругать меня за то, что я не был сыновним, тогда я пойду к ней, чтобы признать себя виновным и ждать, пока она простит меня. Даже если моя бабушка рассердится и попросит моего отца лишить меня статуса наследник, у меня нет никаких жалоб." Сказав это, Хань Сянь внезапно закашлялся. Для других было нормально краснеть, когда они кашляли. Когда он делал это, его кожа оставалась бледной и безжизненной, что было очень страшно.

В этот момент Чжан Ханьпин сделал шаг вперед и усмехнулся: "То, что совершила эта рабыня, является уголовным преступлением. С доказательствами в руках у наследника она должна быть приговорена к смертной казни. Хотя методы Шидзи были немного грубыми, он был добросердечным и сохранил ей жизнь. Ваша бабушка знает об этом, как она может винить вас? Я думаю, она, должно быть, расстроена тем, что ваша жизнь находилась под угрозой, и вы,

наверное, напуганы.”

Как только Чжан Ханьпин заговорил, нашлись те, кому было не так просто вести дела с благородным домом Хань и они сразу же согласились. Даже ван Юнцзюнь просто пробормотал согласие, не сказав ничего против.

Второй мастер, Хань Шу, был ошеломлен, когда увидел, как разрешилась ситуация. Сегодняшнее дело было рассмотрено не очень хорошо. Он боялся, что благородный дом Хань в будущем станет посмешищем Имперской столицы. Он не мог не посмотреть на Хань Чжо.

Хань Чжо смотрел на Хань Сяня с облегчением в глазах, но с сомнением в сердце. Он не мог понять, почему Хань Сянь так поступил? Если совершать наказание самому, разве он не боится, что его жестокая репутация распространится?

Просто в этот момент, в его сердце были самые разные мысли, но на лице не было и следа, он сказал: “Мастер Чжан сказал, что мой сын, сегодня, был напуган. Если у него есть какие-то мысли в сердце, он обязательно поделится ими с отцом.”

Хань Сянь слегка улыбнулся, наблюдая, как Хань Чжо играет роль любящего отца, и сказал искренним, но бесцеремонным тоном: “Увидев матушку Донг такой, я так испугался в глубине души. Людям, которые служат вокруг, так просто причинить мне. Если подумать об этом, вы можете обвинять меня только в том, что у меня в руках нет ничего, что могло бы их напугать. Мало у кого из тех, кто служит в моем дворе, есть дети в этом доме, поэтому я хочу получить документы об их продаже.”

То, что он сказал, было не сколько прямолинейным.

Хань Чжо на мгновение опешил, выражение его лица слегка потеплело, и на нем появилась терпимость: “Я позволю прислать тебе все, что ты захочешь.”

Хан Сянь опустил голову и снова закашлялся, на этот раз он намного сильнее, как будто был готов упасть в обморок в любой момент.

Чжан Ханьпин был очень зол сегодня, и когда он увидел эту ситуацию, он прямо сказал, что больше не будет беспокоить Шидзи.

Другие посмотрели большое представление и, естественно, уходили, когда его посмотрели.

Хань Чжо еще раз произнес слова утешения и ушел вместе со всеми.

Цзи Хуай тоже был среди них. Его разум все еще был сбит с толку, а сердцебиение было немного учащенным. Хань Шу смотрел на его бледное лицо и продолжал утешать, ненавидя Хань Сяня, как бич в своем сердце.

На углу Хань Чжо внезапно повернул голову. Он увидел, что Хань Сянь все еще кашляет с прикрытым ртом, его фигура была худой и слабой, но он чувствовал, что его сын какой-то не управляемый.

Когда гости покинули Фанлань, Хань Сянь внезапно громко рассмеялся, над собой и над другими. Способностям, которыми он обладает, действительно следует позавидовать. Не нужно выходить на улицу(следить), чтобы узнать слабости в сердцах других. Все так просто.

Его техника чтения мыслей действительно является способностью, которой хочет обладать каждый.

Люди, стоявшие на коленях на земле, слушали пронзительный смех, но даже не смели пошевелиться. Бихуа подумала, что смех Шидзи стал другим, и в нем была какая-то ирония и печаль.

Спустя долгое время Хань Сянь перестал смеяться. Он посмотрел на Бихуа, стоящую на коленях у его ног, и на Ань Цао, маленького парня, который побежал искать Хань Чжо, и сказал тихим голосом: "Вы двое сегодня очень хорошо справились. Отныне остальные слуги в этом дворе будут в вашем ведении."

Бихуа и Ань Цао поспешно ответили. Хань Сянь посмотрел на небо и медленно произнес: "Боюсь, этот банкет не сможет продолжаться. Принесите мне платье. Я собираюсь признать себя виновным перед старой госпожой."

Только Хань Сянь знал, как он был счастлив, когда сказал это, потому что он знал, что старая госпоже хотела убить его и съесть мясо, в этот момент.

А он просто хотел видеть старую госпожу несчастной.

Подумав об этом, Хань Сянь мягко приказал: "Уберите во дворе и покормить няню, проверьте, что ещё ей нужно."

Хань Сянь медленно пошел ко двору бабушки, чтобы признать себя виновным перед пожилой госпожой. Его действия очень соответствовали его представлению о том, что он очень слаб и круглый год лежит в постели.

Бихуа последовала за ним, теперь она по умолчанию первая горничная во дворе Фанлань.

По дороге в Вутонюань, где жила старая госпожа, они встретили слуг, которые наводили порядок на территории. Такая кровавая история произошла в доме Хань, и мало кто был готов продолжать оставаться на банкете.

Это, наверное, самый не ловкий день рождения, который когда-либо был у госпожи Хань в ее жизни. Ну, первые две его жизни не в счет!

Слуги в благородном Хань никогда не обращали внимания на Хань Сяня. Они часто бормотали за его спиной, что наследник был отходом, который рано умрёт, и даже более того, они прямо пренебрегали им.

Эти люди, которые раньше держались высоко, теперь, увидев больную тень Хань Сяня, мягко опускались на колени. Особенно сильно виновные: они сжимались в комок в холодном поту и не могли дожидаться, когда превратятся в воздух и немедленно исчезнут.

Хань Сянь, естественно, был не в настроении думать об этих людях, в конце концов, они раньше оскорбляли не его самого. Но их испуганные выражения лиц ему понравились.

С этой точки зрения, все хорошо, никто не должен осмеливаться в будущем делать его несчастным в этом доме.

Бихуа опустила голову, она просто боялась взглянуть на Хань Сяня, даже на его спину.

Она служила Хань Сяню всего два года. Хотя это было недолго, она знала, что Шидзи всегда был трезвомыслящим человеком.

Он знал о своем неловком положении в этом особняке, и его это угнетало. Бихуа знала, что наследник не был счастлив, в последние два года.

Она не знала, было ли этого из-за несчастного случая, что характер Хань Сяня внезапно резко изменился и стал злобным и свирепым. Все, что она знала, это то, что в тот момент, как Хань Сянь небрежно заговорил с ней, они были в одной лодке.

Она не поняла, как Хань Сянь узнал о ее глубоко спрятанной тайне, но в данный момент, она могла только следовать его указаниям.

То, что объяснил Хань Сянь, было очень простым. Просто сказал, что и когда она должна будет говорить. Все было подготовлено Шидзи заранее.

В глубине души она смутно догадывалась, почему Хань Сянь позволил ей такое говорить но не осмеливалась поделиться своими соображениями.

Когда она думала о том, что будет с матушкой Донг, она не могла сдержать дрожь и ее тошнило.

В основном все гости уехали, и почти вся еда осталась. Каким оживленным был дом Хань

сначала, таким подавленным он стал сейчас.

Вутонюань находился далеко от двора Фанлань, поэтому путь занял много времени.

Когда Хань Сянь наконец добрался до Вутонюаня, Хань Чжо и Хань Шу стояли на коленях перед дверью в комнаты матери, умоляя ее не сердиться.

У Хань Чжо были чернила на голове и одежде, из-за чего он выглядел смущенным. Хань Шу был в лучшем состоянии, но его лицо не было красивым.

А старую госпожу в ее комнате окружали три ее невестки, внуки и внучки. Что касается ее любимого внука Цзи Хуая, то он был срочно возвращен во дворец из-за этой кровавой сцены.

Комната была полна голосов желающих утешить старую госпожу, включая Хань Цинсюэ, старшую дочь второй жены, чей голос звучал особенно отчетливо.

Хозяин второго двора, Хань Шу, увидел лицо Хань Сяня и тут же побагровел. Он вспомнил, что произошло сегодня, и, сердито проигнорировав свой статус старшего, прямо сказал: "Что ты здесь делаешь? Зачем пришел?"

Лицо Хань Сяня было удивленным, и он сказал: "Почему второй дядя спрашивает об этом? Сянь притащил свое тяжело больное тело, чтобы признать себя виновным перед старой госпожой." Говоря, он сделал небольшую паузу на минуту, а затем сказал: "Матушка Донг испортила банкет старой госпожи, но в конце концов, она служила у меня. Хотя Сянь слаб и мало учился, у меня хорошее чувство сыновнего почтения. И я готов просить прощения за этот грех."

Его слова разбили сердце Хань Шу.

Когда мягкий голос Хань Сяня прозвучал во дворе, все звуки в комнате старой госпожи исчезли, в одно мгновение. Никто не хотел наказания, и весь двор погрузился в тишину.

Хань Сянь подождал минуту, но никто не открыл занавесь перед дверью старой госпожи.

<http://bllate.org/book/13913/1226085>